

усвоить, что новелла пользуется некоторыми эстетическими сигналами, говорящими о художественной условности изображаемого мира. Главный из этих сигналов — смех, причем уже не средневековый «смех над самим собой», а смех над каким-либо объектом. Именно смех сигнализировал, что мир новеллы, при всем его миметическом реализме, — это мир игры, а играющий человек неподсуден. Новой русской литературе предстояло научиться смеяться».⁴

Незнакомые прежде эстетические идеи постепенно усваивались русскими читателями, проникали они и в оригинальную русскую литературу.⁵

Однако русский книжник часто пытался найти компромисс между старым, привычным и новым, приспособляя фацеции к традиционному читательским вкусам. Из 170 рассказов оригинала переводчик фацеций выбрал всего лишь около 70, исключив сюжеты с ярко выраженной антикатолической темой, а также чересчур грубые и натуралистичные. В то же время в «русские» фацеции были добавлены рассказы из «Великого зеркала» («О глаголющей, яко луг не покошен, но пострижен»), из западноевропейских сборников, восходящих к латинскому «*Democritus ridens*» («О Пиктаке и о жене его»), анекдот Поджо Браччолини, не включенный в польский сборник фацеций («Издавка молодых над стариком»).⁶ Источники двух сюжетов — «О вымысле попадья» (как женщина научила грамоте медведя, заставляя его лапой перелистывать книгу, между страницами которой лежали блины) и «О бабе, обманувшей демона» следует искать в народной сказке. В первой фацеции нет основных признаков новеллы — единства сюжета и остроты заключительного эффекта. Действие замедлено сообщениями о конфликте между попом и «неким благоплеменитым человеком» и о возможности различного выхода из конфликта: поп должен или научить медведя грамоте, или «пени платити». Развязка становится ясна уже в середине рассказа. Сюжет фацеции «О бабе, обманувшей демона» держится на обычной сказочной основе — выполнении трех сложных заданий. Последнее оказывается демону не под силу. В одном из вариантов этого рассказа (ГПБ, Q.XVII.57 Бусл. 92) сохранилась типичная для сказки бытовая деталь: «Пришел бес к бабе. Баба же спит на печи. . .» (л. 308 об. — 309).

О. А. Державина указывает 25 сборников XVIII в., из которых 10 содержат полные списки фацеций (70—72 рассказа), 4 дефектных списка и 11 списков, где фацеции в том или ином количестве объединены с другими произведениями.⁷ Последний раздел мы можем дополнить еще 6 сборниками: 1) ГПБ, Погод. № 1603 — начало XVIII в.; 2) ГПБ, Q.XIV.27 — первая половина

⁴ История русской литературы. Л., 1980, т. 1, с. 377.

⁵ См.: там же, с. 377—384.

⁶ См.: Державина О. А. Фацеции, с. 47—48.

⁷ См.: там же, с. 95—103.